

Кондратьева Наталья Владимировна,
 доктор филол. н.,
 профессор УдГУ
 nataljakondratjeva@yandex.ru

Бадретдинова Люза Геннадьевна,
 магистрант УдГУ

**Лексические особенности перевода стихотворения
 Юрки К. Ихалайнена «Ei tuo punainen» на удмуртский язык**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности перевода стихотворения финского автора Юрки Ихалайнена «Ei tuo punainen» на удмуртский язык. Перевод осуществлён удмуртским поэтом С. Матвеевым. Особое внимание уделяется анализу цветовой символики произведения, а также особенностям перевода безэквивалентной лексики.

Ключевые слова: художественный перевод, финская литература, Юрки Ихалайнен, художественные образы.

Natalja V. Kondratieva,
 Dr. of Science (Philology),
 Professor of Udmurt State University
 nataljakondratjeva@yandex.ru

Lyuza G. Badretdinova,
 Master degree student
 of Udmurt State University

**Lexical peculiarities of translating the poem “Ei tuo punainen”
 (Not that red) by J. K. Ihalainen into Udmurt**

Summary. The article deals with translating the poem “Ei tuo punainen” (Not that red) by J.K. Ihalainen, translated into Udmurt by S. Matveyev. The paper focuses on colour symbolism and ways of translating culturally specific vocabulary.

Key words: literary translation, Finnish literature, J. K. Ihalainen, imagery.

Перевод художественного произведения является одним из способов знакомства читателя с культурой другого этноса. В последние годы в удмуртской литературной среде возрос интерес к переводу произведений финских авторов. Ярким примером здесь может послужить перевод произведений финского писателя, поэта и переводчика Юрки Ихалайнен, выпустившего свыше 30 своих книг на финском, английском, шведском, датском языках; а также издавшего на финском языке ряд произведений классиков мировой литературы (Литературные 2015). В творчестве финского поэта отдельное место занимает стихотворение «Ei tuo punainen» (произведение опубликовано в сборнике «Tisle» (2012) [Pahainen 2012]). Лирическая героиня этого стихотворения – образ, создаваемый на основе воспроизведения цветовой палитры. Зачин стихотворению даёт красный цвет, представленный в различных цветовых оттенках – *Punainen tori* ‘Красная площадь’, *punainen saksalainen pikkukone* ‘красный немецкий автомобильчик’, *tiibetiläisen munkin karmininpunainen* ‘букв. карминовый цвет тибетских монахов’ и др. Перечисление указанных цветов и оттенков с самого начала стихотворения позволяет определить яркий, экспрессивный образ лирической героини. Включение образа *talviomänen punainen* ‘красный цвет зимних сортов яблок’ позволяет определить возраст лирической героини, поскольку красный цвет – единственный признак спелого плода, таким окрасом могут порадовать только зимние сорта яблоки.

Цвет синий, продолжающий цветовую гамму стихотворения, представлен образами *Berliinin sininen* ‘букв. синий цвет Берлина’, *jäänsininen* ‘ледяной-синий’, *Gitanes-tupakka-aski* ‘синяя пачка сигарет Gitanes’ и др. Отдельное место занимает образ *Saharan tuaregin sininen* ‘синий цвет кожи племён туареги в Сахаре’. Известно, что туареги окрашивали ткань для одежды особым образом: экономя воду, они не пропитывают её краской, а «вколачивают» ее камнями. Со временем краска начинала осыпаться, и кожа туарегов часто приобретала синий цвет. Перечисление этих образов, вкупе с образом танцующей на пачке сигарет цыганки, позволяет выстроить образ тоскующей, ищущей себя, но не находящей места в этом мире лирической героини.

Синее плавно перетекает в белое: *maito* ‘молоко’, *leipäjuusto* ‘лапландский сыр’, *Pepsodent* ‘зубная паста «Pepsodent»’, *tomusokeri* ‘сахарная пудра’. Белый цвет возвращает лирическую героиню в повседневную жизнь, наделяя спокойствием, умиротворённостью. Но это

длится недолго. Чёрный цвет врывается, нарушая гармонию: *musta Saatana* 'черная Сатана', *lentokoneen pimeä laatikko* 'чёрный ящик самолёта', *tyhjä kaivo* 'пустой колодец', *nälkäinen pantteeri* 'голодная пантера', *jarrupalat* 'тормозные колодки автомобиля', *jano* 'жажда'. Чёрный цвет – цвет опасности, цвет пустоты, поглощения жизни. Неужели это цвет, характеризующий возлюбленную лирического героя? Нет, её любимая не может быть жадной, коварной, расчётливой. Она любит жизнь! Жизнеутверждающим цветом выступает жёлтый цвет: *auringonkukankeltainen* 'жёлтый цвет подсолнечника', *Bornholmin hiekan keltainen* 'жёлтый цвет песков Борнхольма', *ruskan keltainen* 'цвет золотой осени' и др. В то же время человек не может быть полностью свободен. Он всегда в зоне наблюдения других: *keltainen lehdistö* 'желтая пресса', *Fonecta luettelo* 'Fonecta-список', *lumileopardin silmä* 'глаз снежного леопарда' и др. Значит, и жёлтый цвет не может быть цветом возлюбленной. В таком случае, может быть цвет золота станет символом лирической героини? И снова – нет. Всё золотое материально: *atsteekkien kultainen* 'золото ацтеков', *kultainen rannekello* 'золотые наручные часы', *kultainen kuin hämähäkin seitti aamun kasteessa* 'букв. золотая паутина паука в утренней росе' и др. Не случайно автор восклицает: *Mutta kultaseni, kaikeen tähän kultaan ei minullakaan ole varaa* 'букв. Но, моя дорогая (букв. золотая), на всё это золото даже у меня нет средств'.

Остаётся зелёный цвет – цвет природных явлений: *metsän vihreä* 'зелень лесов', *sammalen vihreä* 'зелень мха', *lumpeen lehti* 'лист кувшинки', *armeijan vihreä* 'букв. зелёный цвет армии' и др. Вместе с природой возлюбленная лирического героя впитывает свежесть зелёного леса, ели, кувшинки и других природных образов. С другой стороны, зелёный цвет может стать символом каких-либо физических изменений: *vihreä kuin kupain patina* 'зелёный как цвет патины на медной поверхности (патина – естественный тонкий налёт, который образуется на поверхности изделий из меди и других металлов.)', *kuin homehtunut juusto* 'как заплесневелый сыр', *kuin pesukoneessa käytetty taala* 'как прокрученный в стиральной машине доллар' и др. Таким образом, именно зелёный цвет становится объединяющим для примирения взаимоисключающих начал (молодость – старость, страсть – спокойствие, наполненность – пустота, разум – безрассудность, физическое – духовное и др.).

Казалось бы, компромисс найден. Но в финале стихотворения появляется фиолетовый цвет. Лирический герой перестаёт искать смысл содержания, он просто соглашается с героиней:

<i>Ai, sinä sanot,</i>	Ой, тебе кажется (букв. ты говоришь),
<i>Että se on violetti?</i>	Что (твой цвет) фиолетовый?
<i>Minähän sanoin alusta lähtien,</i>	Я же с самого начала говорил(а):
<i>Violetti on sinun värisi.</i>	Твой цвет фиолетовый.

Таким образом, идея стихотворения гораздо глубже, чем просто анализ перечисленных образов. Здесь поднимаются философские вопросы человеческого бытия, проблемы взаимоотношения мужчины и женщины. Следует подчеркнуть, что в финском языке существует лишь одно местоимение третьего лица, выражающее одушевлённые лица: *hän* 'он/она'. Поэтому в структуре стихотворения сложно определить, кто является лирическим героем: *Minähän sanoin alusta lähtien, / Violetti on sinun värisi*. 'Я же с самого начала говорил(а)'.

Как же удмуртский переводчик смог донести идею произведения финского автора до своих читателей? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо отметить, что перевод выполнил известный удмуртский поэт, прозаик, критик, переводчик Сергей Васильевич Матвеев. В аннотации к сборнику «Фиолет» отмечается: «В стихах С. Матвеева проступают мотивы русской поэзии представителей серебряного века и некоторых поэтов эпохи французского Возрождения, в то же время в них сильна струя чисто удмуртской образности, национального колорита, и в этом сплаве – новизна и самобытность творчества поэта» (Матвеев 2002). Чаще всего лирический герой С. Матвеева – романтик и эстет. Его художественные предпочтения отражаются и в выполненном переводе. Особенно ярко это отражается при переводе образов, связанных с белым цветом:

<i>se on taatusti valkoinen kuin maito</i>	'букв. Это, конечно же, белое как молоко
<i>se on valkoinen kuin leipäjuusto</i>	это белое как лапландский сыр
<i>se on valkoinen kuin Pepsodent</i>	это белое как Pepsodent
<i>se on tomusokerin valkoinen</i>	это белое как сахарная пудра
<i>se on valkoinen katkoviiva ajorada</i>	это белая разделяющая полоса

keskellä ja tanssi по центру шоссе, которая танцует'.

В переводе на удмуртский язык С. Матвеев использует такой вид трансформации как добавление, или использование дополнительных лексических единиц, не имеющих соответствий в оригинале:

*валамон ни, али кыскем йӧл кадь тӧдӧы со пиштэ;
оло со, дыр, – Лапландиысь сыр-а сыӹе напчиське,
яке со – Pepsodent насталэн нуйтӱськись ыркытэз;
оло со – сакырлэн кизили пырыӧ ӹаштырез,
яке со – асфальтлэн гадь вылаз вакчи гожэ эктонӧс;*

‘букв. понятно, что это смотрится как белое парное молоко;
а может, это так густеет лапландский сыр,
или же это тягучая прохлада пасты Pepsodent?
а может быть, это скрежет звёздных сахарных частичек,
или же танцы разделяющих линий (букв.) на груди асфальта.’

Как видно из примеров, в стихотворении Ю. Ихалайнена преобладает номинативная функция белого цвета, тогда как в удмуртском переводе добавляются глагольные единицы, наполняющие стихотворение непрерывным и последовательным действием.

Ещё один вид трансформации, используемый в переводе на удмуртский язык – это замена. Так, в оригинале произведения для визуализации красного цвета используется такая реалия как *pelastuslaitos* ‘служба спасения’, в удмуртском переводе звучащая как *чакласькон-утиськон* ‘букв. наблюдение-защита’; или образ чёрного цвета *musta jano* ‘чёрная жажда’ заменяется экспрессивным *сьӧд – ньылонэ жсабырей кадь кугзам вень бугор* ‘букв. чёрный (цвет) – это застрявший, словно вцепившись в горло, игольчатый клубок’.

Когда речь идёт о лексических заменах, необходимо брать во внимание такие понятия, как конкретизация (способ перевода, в результате которого в переводящем языке образуется слово или словосочетание с более узким смыслом по сравнению с исходным языком), генерализация (способ перевода, обратный конкретизации), модуляция (в процессе модуляции слово или словосочетание языка оригинала заменяется его логически связанным словарным соответствием). Каждый из этих замен находит своё место в тексте перевода, например: а) конкретизация: *vihreä se on kuusen vihreä* ‘зелёный – это цвет ели’, ср. *яке со – лыслэн гужсьемез* ‘или это выцветание хвои’; б) генерализация: *tai se on talviomenen punainen* ‘букв. или это (красный цвет) красный цвет зимних сортов яблок’, ср. *оло со – лымысь ӹыжэ улмо* ‘или это – яркое яблоко на снегу’; в) модуляция: *tai sitten se on punaviinin kastetun pokkarin punainen* ‘или это обложка (книги), которую окунали

в красное вино', ср. *оло со – вöсьса араке веттылэм книга бам* 'или это страница книги, которую окунали в араки (крепкий спиртной напиток)'.⁷

Нужно отметить, что к методу замены удмуртский переводчик прибегает редко. С целью создания более яркого образа, как уже было сказано выше, С. В. Матвеев чаще использует такой вид трансформации как добавление. Это накладывает отпечаток и на ритмический строй перевода. Но данная проблематика может стать предметом специального научного исследования.

Таким образом, используя различные методы лексической трансформации, удмуртский поэт и переводчик Сергей Матвеев сумел донести до читателя как финские реалии, так и особенности поэтической системы финского автора Юрки Ихалайнена.

Список литературы

1. Литературные 2015 – Литературные премии Финляндии / Мурман. гос. обл. универс. науч. б-ка / Сост. Т. А. Соколова – Мурманск: Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека, 2015. – 74 с.
2. Матвеев С. В. Фиолет: Стихи / Перевод с удмуртского Вл. Емельянова. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 128 с.
3. Ihalainen J. K. Tisle. – Turku: Kustannusosakeyhtiö «Sammakko», 2012. – 107 с.